Какой театральный дом будет строить новый полновластный хозяин Большого драматического театра имени Товстоногова?

НАЗНАЧЕНИЕ

Алаверды

Анатолий СМЕЛЯНСКИЙ

Темур Чхеидзе стал главным режиссером Большого драматического театра им. Г.А. Товстоногова. Тоже мне новость — может воскликнуть театральный читатель. Да он уж там тринадцать лет как ставит спектакли! А поскольку у нас каждый день кого-то снимают и назначают и вообще все смешалось в доме Облонских, то петербургская новость, боюсь, может показаться всего лишь мелким эпизодом номенклатурной театральной хроники.

Хочу усилить смысл того, что произошло. Темур Чхеидзе, входящий полновластным хозяином в дом Товстоногова, — это не обретение мифической власти или наследственного грузинского театрального престола во второй столице России. Темур Чхеидзе в БДТ — это настоящее НАЗНАЧЕНИЕ в том смысле, в каком такие дела понимали шестидесятники, тот же Александр Володин, написавший некогда знаменитую пьесу с аналогичным названием, или Олег Ефремов, сыгравший тогда героя, принявшего назначение на руководящий пост максимально серьезно. Не должность, но долг или даже миссия.

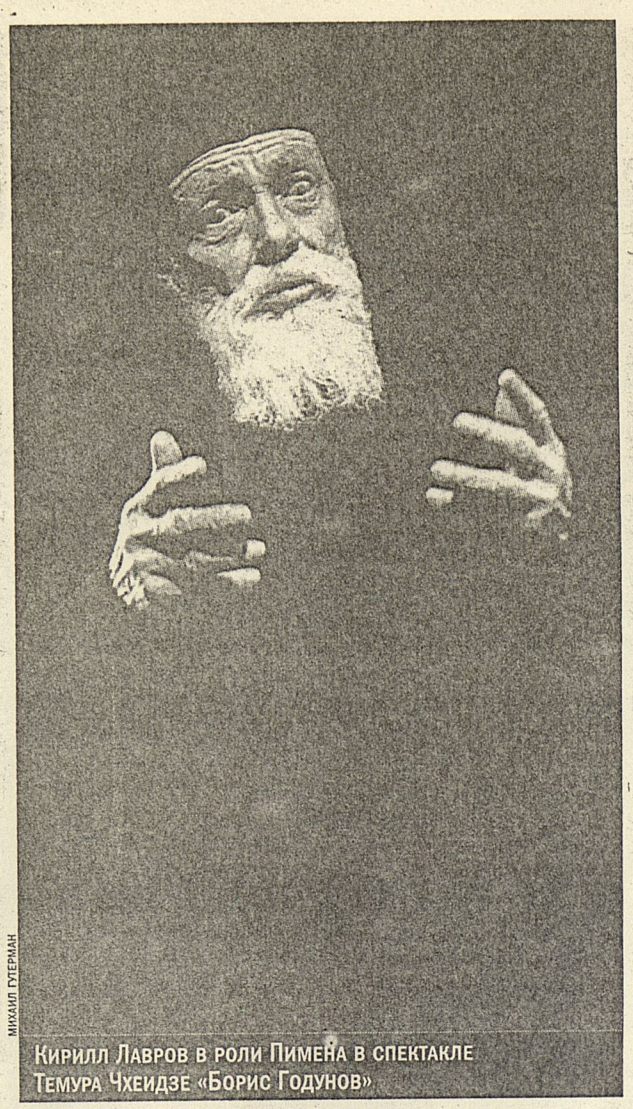
Зная Темура несколько десятилетий, могу твердо сказать, что нынешнее его назначение никак не связано с желанием славы, власти или достижением каких-то иных внехудожественных целей. Он всегда делал то, что хотел, с теми, с кем хотел. В темные времена заката советской империи сотворил у нас в Художественном театре замечательную грузинскую притчу о революции как торжестве хамодержавия. Спектакль назывался «Обвал» и был посвящен шестидесятилетию СССР. С тех пор стараюсь смотреть все, что он делает. Его негромкий, но ясный режиссерский голос ни с кем не спутаешь. Он в равной степени принадлежит и Грузии, и России. Тринадцать лет он жил в ситуации театрального двоемирия, между Питером и Тбилиси, и вот, наконец, решился. И он решился, и Кирилл Лавров решился: именно он вручил Чхеидзе режиссерскую власть в БДТ. Не думаю, что от хорошей жизни. Оба хотят продлить жизнь БДТ — вопрос в том, на каких основаниях.

Темур Чхеидзе позван править театром на Фонтанке после многолетнего «ожидания Годо». Этот Годо, то есть второй Товстоногов, естественно, не явился и никогда не явится. Театр на Фонтанке надо делать заново. Каким способом? В этом-то и весь вопрос и общероссийская наша проблема. Она заключена в том, что делать не только с БДТ, но и с любым другим уникальным театром — домом, что был некогда сотворен властной художественной волей, обрел себя в условиях «добровольной диктатуры» и не предполагал в своем бытии никакого иного сотворца или преемника. Наследника не оставили ни Станиславский, ни Мейерхольд, ни Таиров, ни Вахтангов, ни Товстоногов. Георгий Александрович был достаточно честен, чтобы публично признать, что такой театр, какой он создавал (а он создавал один из вариантов художественного театра), наследника в принципе не предполагает. «Это художественно невозможно», — сформулирует Товстоногов кощунственную мысль незадолго до смерти и вспомнит всех своих великих предшественников, которых я только что перечислил. Что же тогда делать? Закрывать театр после смерти основателя, распускать труппу, клонировать основоположника? Ответа нет и рецепта нет — в этом серьезный, не номенклатурный смысл назначения Темура Чхеидзе.

Я видел спектакль «Коварство и любовь», сотворенный Темуром в БДТ в начале 90-х, когда память о Товстоногове была еще свежа и театр, вероятно, рассчитывал на Чхеидзе как на продолжателя великолепно налаженной театральной машины. Мне казалось тогда, что и Чхеидзе примеривал себя к возможному повороту судьбы. В шиллеровской работе проявились какие-то новые черты в его режиссерском даровании. Было все то, чем владел прежний Чхеидзе, но просвечивало нечто новое: сухая и резкая определенность рисунка, четкость и законченность в проведении основных лейтмотивов, строгая красота и гармоничность стиля. Искусство «золотого сечения», которым был славен Товстоногов, вошло в завязь и плоть спектакля Темура Чхеидзе, в его сценическую память. «Кларнет, как юный князь, изящен». Это был грузинский дар русским артистам, подтянувшимся, похорошевшим, снова обретшим осмысленное театральное существование. И какой же это был прекрасный дар уважения гостя к ушедшему хозяину, какое тонкое чувство осиротевшего театрального дома, в котором ты не просто ставишь спектакль, но окликаешь дух того, кто построил этот дом и дал ему жизнь.

Потом было много всякого — и у Темура Чхеидзе, и у его друзей в БДТ. Менялись режиссеры, сезоны были более успешные и менее успешные, многие замечательные артисты стали искать счастья на стороне. Сам Товстоногов предвидел в конце своей жизни печальный финал облюбованной им модели театра. Крупнейшие советские театральные колхозы делились и распадались, вирус антрепризной горячки проникал и в стены товстоноговского монастыря, начиналась эпоха вольного, дикого, нецивилизованного театрального рынка. «Добровольная диктатура», без которой не может жить художественный театр, уходила в небытие вместе с той страной, украшением которой был ленинградский БДТ. Товстоногов полагал — мы говорили с ним об этом осенью 1988 года, — что русский театр неизбежно пройдет через полосу разрухи, возвратится на век назад и лишь когда-нибудь потом, отгуляв, придет вновь к славянскому базару, к идеям серьезного, осмысленного театрального искусства, которое Россия успела подарить XX веку. Товстоногов уходил из жизни с ясным пониманием исчерпанности своего дела. Наследников он не искал и не планировал. Алаверды, как в грузинском застолье, не предполагал.

Темур Чхеидзе переворота в БДТ не произведет. Он по природе «постепеновец», сторонник эволюции. Он знает, что многое в этом театре замешано прочно и на долгие годы. Он наверняка попытается этим воспользоваться. Сможет ли он сплотить актеров на условиях «добровольной диктатуры», сможет ли он свою художественную диктатуру осуществить — не знаю. Он приходит с тем, чтобы продолжить жизнь БДТ на новых основаниях. Слава и мощь Товстоногова, способ театральной жизни Товстоногова ему и в помощь, и в великую помеху. Это надо принять и признать как художественную проблему. Перед Чхеидзе встанут тысячи вопросов, на которые тень Георгия Александровича Товстоногова не ответит. Бархатной революции или «революции роз» в БДТ тоже не предвидится. Товстоногов был «несъедобным», объявил это на первой же встрече с труппой, умевшей уничтожать и перемалывать своих лидеров. Степень «несъедобности» нового главрежа неизвестна. Тем не менее он принял назначение. Бог ему в помощь и Кирилл Лавров в придачу. **МН**



МИХАИЛ ГУТЕРМАН

Кирилл Лавров в роли Пимена в спектакле Темура Чхеидзе «Борис Годунов»

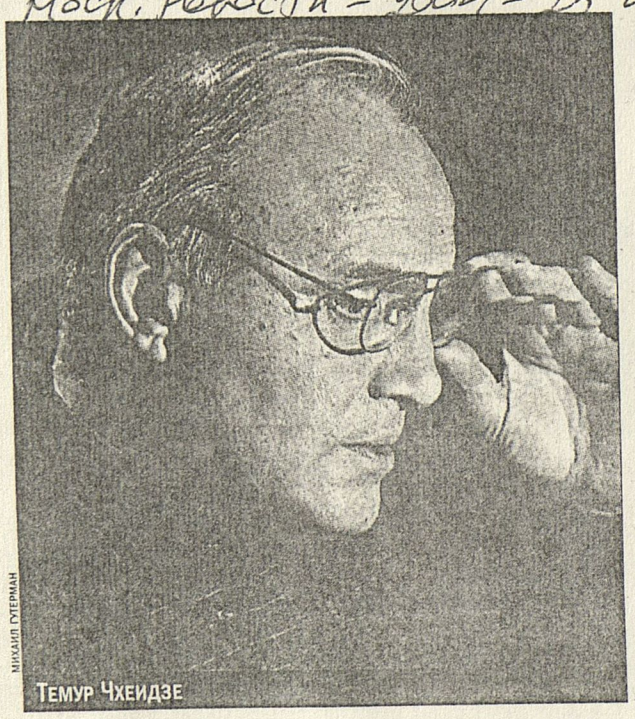
// Товстоногов уходил из жизни с твердым и ясным пониманием исчерпанности своего дела. **Наследников он не искал и не планировал** //

Моск. Новости — 2004 — 25 июня — 01 июля — с. 20

ИЗ ПЕРВЫХ РУК

В понедельник труппу разгонять не буду

На вопросы «МН» отвечает главный режиссер Большого драматического театра имени Товстоногова Темур Чхеидзе



МИХАИЛ ГУТЕРМАН

Темур Чхеидзе

Мое решение стать главным режиссером БДТ продиктовано в первую очередь стремлением сохранить то, что было создано при Товстоногове. Я имею в виду не эстетику спектаклей, а тот построенный великим режиссером великий театр изнутри, правильно сколоченный. Задача нашего поколения передать тем, кто придет после нас, театр как таковой, как духовное понятие. Конечно, это довольно громко звучит, но цель от этого не меняется. Кириллу Лаврову я поставил условие, своего рода ультиматум: я стану главным режиссером лишь в том случае, если он останется в нынешнем своем качестве художественного руководителя. Мы плодотворно работаем вместе уже 13 лет, надеюсь, так же будет и впредь.

— Планируете вы в скором времени какие-то перемены в театре?

— С понедельника я не собираюсь разгонять полтруппы, я не сторонник таких методов. Не будет никаких передряг, никакой чистки. Конечно, репертуар будет меняться, но постепенно. Я приверженец эволюционного пути развития. Сохраняя режиссерское наследие Товстоногова, его заветы, театр все же не может стоять на месте — иначе он перестает быть театром. Эстетика БДТ должна стать более современной, меняясь незаметно и плавно, как это делалось и раньше. Так что не будем бросаться в крайности.

— Какие ваши ближайшие постановки?

— Вы узнаете об этом в сентябре. Может быть, я заполню еще одну нишу в репертуаре БДТ, что может повлечь за собой и другие перемены, другие названия спектаклей.

— Расшифровать сказанное не хотите?

— Пока не будут бросаться словами. Я избалован судьбой: до сих пор отвечал только за свои спектакли, теперь за весь театр в целом, и понимаю, что все время буду под ударом.

— Вы сознательно поставили себя под удар?

— Я не лез под удар, но сознательно пойдя на такое, понимаю все последствия этого шага. Года два поработаем так, а потом посмотрим. **МН**